

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера)

Е. Н. Успенская

АНТРОПОЛОГИЯ ИНДИЙСКОЙ КАСТЫ

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2010

Рассмотрение вопросов системной санскритизации удобно начать с хорошо документированной истории аккультурации раджпутов — «кшатриев наших дней».

Раджпуты (Rājput) — особая сложноорганизованная группа в составе населения Индии, имеющая иноземные этнические корни. В кастовой иерархии они воины и правители, защитники брахманов и индуизма. Влияние раджпутов на политическую и общественную ситуацию в стране было особенно велико в VII–XVIII вв., когда в их руках находились властно-административные и воинские функции в большинстве государств Северной Индии. Сегодня они живут повсеместно в Северной и Западной Индии, где составляют до 15 % населения, в штате Раджастан — 21 % [Singh 1993: 13]. Исторические области Мальва и Бунделкханд (совр. Мадхья Прадеш) — вторая по численности и по плотности раджпутского населения часть Индии, где и при англичанах сохранились раджпутские княжества Джханси, Датия, Орчха, Рева и др. Раджпутов много в Гуджарате и Уттар Прадеше. В пригималайских районах сложилось сообщество иммигрантов с равнин, «горных раджпутов», культура которых сохранила в условиях изолята многие архаичные особенности. Здесь «горные раджпуты» вошли в состав этнических общностей *пахари*, *догра*, *непали* и др. На юге и востоке Индии раджпутов практически нет: по-видимому, совсем неслучайно они сосредоточились в ландшафтно-климатических условиях Западной и Центральной Индии, которые резко отличаются от соседних Хиндустана, где основой жизни является пахотное земледелие, и от влажных западных приморских районов Юга, где тысячелетиями выращива-

ются рис и драгоценные пряности. Раджастан, половину территории которого занимает пустыня Тар, а также излюбленные раджпутами Гуджарат и соседние области примыкают к ареалу засушливого климата и неустойчивого земледелия в пустынях и полупустынях Синда и Юго-Западной Азии (север бассейна Аравийского моря).

В исторических судьбах и культуре синдхов, белуджей, гуджаратцев и жителей Раджастана не меньше общего, чем у раджпутов с близкими им группами населения Хиндустана и пригималайских районов. «Они произошли от завоевателей шаков и юэчжи, которые в течение первых пяти веков н. э. были абсорбированы в местное индоарийское население Синда и сопредельных территорий, а после V в. с эфталитской волной расселились по всей Северной Индии» [Munshi 1955: 2]. Предки раджпутов, скотоводы-кочевники (номады) засушливых степей и полупустынь, пришли в Индию как завоеватели и переселенцы и остановились в своем продвижении на восточной границе родного для себя экологического ареала. Они отвоевали себе эти территории у местных доарийских этносов: *бхил* (Bhīl), *мина* (Mīnā), *сахария* (Sahāḍiā), *гондов* (Goṇḍ), *бхаров* (Bhār) и т. д. Сегодня местные жители занимаются разведением домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота, верблюдов, лошадей), земледелием и овощеводством, выращиванием технических агрокультур, разнообразными ремеслами, караванной перевозкой грузов. Традиционная культура жизнеобеспечения раджпутов имеет такие особенности, которые не соответствуют высоким брахманическим стандартам и свидетельствуют о том, что их кочевые предки, пришедшие в Индию с эфталитской волной, не знали лесов, гончарного дела и земледелия. Но они хорошо знали культуру коневодства, что для Индии огромная редкость [Успенская 2001], и, как считал В. Смит, «по-видимому, были огнепоклонниками» [Smith 1920: 137]. Воинский образ жизни был для них так же естествен, как для других кочевых племен Центральной и Передней Азии. Он оказался хорошо соответствующим кастовому предназначению кшатриев — воинов и правителей. Появившись в орбите кастового строя, кочевники подпали под влияние брахманизма-индуизма и идеологический контроль брахманов. Они сумели вписаться со своим хозяйственно-культурным типом и умениями и в экологическую, и в социальную ниши Северной Индии, что обусловило их успешность и процве-

тание. По всем правилам кочевнической экономики раджпуты наладили в Индии взаимодействие со своими оседлыми соседями-земледельцами, лесными племенами охотников и собирателей и даже джайнскими общинами торговцев и счетоводов.

Одним из эфталитских племен было, как установили историки, *гуджар/гурджара* (gūjar/gūrjara) [Munshi 1955: 4]. Эти *гу(р)джара* на всем протяжении истории тесно связаны с раджпутами. Самое раннее упоминание о них относится к VII в. н. э., когда они расселились по территориям современных Северной и Западной Индии и Пакистана, где и сегодня живут их потомки. Это видно по топонимам региона: штат Гуджарат, город Гуджранвала, округ Гуджрат и др. В Гуджарате древняя гуджарская этническая общность стала основой и ядром «титულიной» этнической общности штата — гуджаратцев. Гуджарат входил в историческую территорию раджпутов, здесь издревле существовали раджпутские государства, и влияние раджпутов на общественную жизнь было очень велико. Население Гуджарата и Раджастхана обнаруживает близость по многим параметрам. Считается, что название «гуджар» происходит от тюркского корня со значением «кочевать, кочевник, кочующий» (как и сами эти слова в русском языке, и как слово «кучер»). Может быть, оно связано с иранской лексемой, имеющей значение «горцы». Все группы современных кастовых и племенных гуджаров — пастухи, основная их специализация — разведение молочного скота. В пригималайской области гуджары перекочевывают со своими стадами с горных пастбищ в долины дважды в год. Некоторые их группы исповедуют ислам. Другая близко связанная с раджпутами кастовая общность — *джаты* (Jāt). Раджпуты, джаты и гуджары сегодня подчеркнуто держат между собой дистанцию, хотя для джатов и гуджаров родство с раджпутами составляло и составляет предмет особой гордости и является основанием для завышенных по сравнению с реальным положением в кастовой иерархии социальных притязаний. У всех трех групп есть понимание общности своего происхождения и близости культуры, сохраняются однотипная традиционная социальная организация и одинаковые самоназвания племен и кланов, такие как Джадон (Jādon), Чаухан (Cauhān), Бхатти (Bhatti). У них есть древние генеалогические документы, существует большая историография, богатая устно-поэтическая и литературная традиция, и именно эти источники зафиксированы первыми исследователями радж-

путской культуры Дж. Тодом и А. К. Форбсом [Tod 1978; Forbes 1993].

Феномен индийской жизни состоит в том, что многочисленные волны иноземных завоевателей и переселенцев нашли себе здесь пристанище, большая часть их вошла в кастовое общество через принятие индуизма. Восточноиранские по происхождению гуджаро-джато-раджпутские племена активно включились в процесс санскритизации сразу после появления в Индии и очень скоро сумели стать правящей прослойкой общества. Как многочисленные успешные завоеватели, они вошли в состав кастовых общин в качестве защитников мирных земледельцев (получив за это землю), были санскритизированы в VI–VIII вв. н. э., заняли социальную нишу, ко времени их появления в Индии уже вполне свободную от древних ведических кшатриев, и с тех пор считаются полноправными наследниками кшатриев, воинами и землевладельцами-правителями; индийское традиционное общество эту их претензию признает как совершенно обоснованную. «Дошедшие до нас исторические источники показывают, что династии правителей многих как мелких, так и крупных княжеств, возникших в эту эпоху в северо-западной части субконтинента, были генетически связаны с родовой знатью сако-тохарских и хионитских племен» [Ганковский 1964: 94]. Сами их титулы «*рана* (rāṇa)», «*рао* (rāṅ)», «*рав* (rāv)» — это формы, связанные с титулами на кушанских и шакских монетах, а не с санскритом [Baden-Powell 1899: 3, 542]. Кушаны, как считается, стали буддистами потому, что не хотели принимать кастового ранжирования. Династия Майтраков, свергнувшая на рубеже V–VI вв. власть Гуптов на Катхиаваре и основавшая государство со столицей в г. Валлабхи, была восточноиранского происхождения. Харша (Харшавардхана), великий правитель и завоеватель, был, как считается, раджпутом клана Баис, правил в Тханесаре и Канаудже и завоевал территорию всей Северной Индии до р. Нармады на юге, включая и Раджпутану. После кончины Харши в 647 г. начался период анархии, но по его окончании вдруг обнаружили многочисленные государства, во главе которых стояли различные раджпутские кланы, уже считавшие себя потомками кшатриев. Хронологически самой ранней (VIII–X вв.) и исторически наиболее значительной была держава раджпутской династии Гурджара-Пратихара со столицей в г. Канаудже, в состав которой входила огромная территория на севере и западе Индии. Самая ранняя от-

носящаяся к ней надпись найдена в Гвалиоре, она недатированная, но сделана ранее 893 г. и рассказывает в самых восторженных тонах о правителе Бходже I [Banerjee s.a.: 4]. В ней говорится о принадлежности правителей к Солнечной Линии раджпутов. Подобных хвалебных надписей было немало, и сам факт их многочисленности свидетельствует о том, что в это время государство достигло могущества и расцвета. Раджпутские правители этого периода подчеркивали свою приверженность индуизму, принимали кшатрийские титулы и индуистские имена. Интересно отметить, что встречаются и такие надписи, на которых упоминаются по два имени правителя, а именно санскритизированное царское и неиндийское клановое, например Харичандра Пратихара — Рохилладхи [Biswas 1973: 170]. Это говорит о том, что правители восточноиранского происхождения принимали тронное имя в соответствии с требованиями индуизма — как кшатрии. Появляется четкая хронологическая привязка начавшегося процесса санскритизации гуджарских и раджпутских племен. Завоевание Синда арабами превратило раджпутов в «Пратихара» (Pratīhāra), буквально «привратников» Индии. Недоступность Юга Индии для иноземных вторжений с северо-запада вплоть до конца XIII в. в очень большой степени объясняется тем, что раджпуты защитили его, встав преградой на пути любых завоевателей. После распада империи Гурджара-Пратихара в Центральной и Западной Индии и горных районах Севера появилось несколько крепких и богатых государств с раджпутскими правящими династиями. Еще одна раджпутская династия этого периода — Парамара, правители Мальвы. Самая ранняя их надпись на камне датируется 948 г. и говорит о том, что правитель Вакпатираджа (Vākpatirāja, то есть Красноречивый Раджа) происходил из семьи Раштракутского правителя Кришны III Акалаварши и носил композитный, составленный из санскритского и дравидского корней, титул *pr̥thvīvallābha* (pr̥thvīvallābha). Тем не менее он был раджпут, столицей у него был г. Дхара в Центральной Индии, а один из его потомков, раджа Бходжа II (1018–1060), прославлялся как покровитель наук и образцовый раджа [Banerjee s.a.: 16].

Индийские историки называют «раджпутским периодом» пять с половиной веков истории Северной Индии после Харши и до мусульманского завоевания в конце XII в., имея в виду то обстоятельство, что гегемония раджпутов в политической жизни была полной. Правители Гурджара-Пратихара, как следует из их

надписей, были как шиваитами, так и вишнуитами [Banerjee s.a.: 37]. Именно с новых государств и династий послегуптской эпохи начинается документированная и научно обоснованная история раджпутов в Индии. Практически все истории владетельных домов и фамилий Раджпутаны могут быть реально прослежены до этого периода, хотя генеалогии возведены, разумеется, к самому Раме и другим культурным героям. Дальнейшее развитие событий показало, что раджпутская клановая администрация стала глубоко укорененной на земле и вжилась в индийское традиционное общество.

Основная часть подданных этих правителей была организована в деревенские кастовые общины, состоявшие из семейных общин земледельцев, ремесленников и «обслуживающих» *джати* (их еще называли «слуги деревни»). Индийские историки говорят: «С незапамятных времен в Индии существовали хорошо организованные на принципах братства и демократии “деревенские общины”. Они существовали как автономные единицы в течение всего средневекового периода <...> Община имела совет, в который входили главы семей. Этот совет отвечал за охрану полей и караул на территории деревни, за организацию общественных работ, ирригацию, поддержание санитарного состояния и медицинскую помощь, создание условий для начального образования, поддержание благоприятного морального климата и религиозного благочестия, а также исполнение наказаний в случае необходимости. Организация общих празднеств, развлечений и проведение общинных праздников также входили в его задачи. Деревенский панчayat занимался ведением судебных тяжб и разрешением споров» [Srivastava 1977: 193–194]. В каждой деревенской общине обязательно были по крайней мере один-два сторожа, жрец, брахман — школьный учитель, астролог, плотник, гончар, прачка, цирюльник, лекарь и счетовод — составитель и хранитель налоговой документации. Все это администрирование было налажено по линиям кастовой организации и межкастового взаимодействия; экономическую основу благосостояния общины составляла общинная собственность на землю. Пригодные для земледелия участки общинной земли были переданы в наследственное пользование земледельцам. «Безземельные земледельцы в условиях общинной организации — это уже продукт разложения ее, продукт капиталистического развития деревни» [Кудрявцев 1971: 149]. В сущности все, даже не работающие не-